
ТЕМИРАЕВ А.В.¹ РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА, ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ И ПРАВА НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ В ОТНОШЕНИЯХ МЕЖДУ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ И ГОНКОНГОМ (Статья)

Аннотация. Статья раскрывает актуальные аспекты реализации принципа самоопределения народов во взаимосвязи с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности в КНР на основе концепции специального статуса, которым наделены Гонконг, Макао и Тайвань. Их статус определяется, исходя из институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS). Проводится систематизация признаков автономии территорий со специальным статусом. Обосновывается, что сложившаяся система разделения власти способствует как гармонизации отношений между центром и территорией, так и провоцирует их противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем и Гонконгом. В статье уделяется особое внимание правовому статусу Гонконга и его эволюции. Автор приходит к выводу о целесообразности проведения более гибкой правовой политики Китая в урегулировании публично-правовых отношений с Гонконгом.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика; Гонконг; Макао; Тайвань; государственный суверенитет; территориальная целостность; право на самоопределение; специальный статус; автономия.

¹ © Темираев Алан Викторович, Председатель Дигорского районного суда Республика Северная Осетия – Алания, кандидат юридических наук.

TEMIRAEV A.V. Implementation of the principles of State sovereignty, territorial integrity and the right to self-determination in relations between the People's Republic of China and Hong Kong (Article)

Abstract. The article reveals the actual aspects of the implementation of the principle of self-determination of peoples in connection with the principles of state sovereignty and territorial integrity in the People's Republic of China based on the concept of the special status granted to Hong Kong, Macau and Taiwan. Their status is determined based on the institutional model: “One country, two systems” (OCTS). The systematization of signs of autonomy of territories with a special status is carried out. It is proved that the current system of separation of powers contributes both to the harmonization of relations between the center and the territory, and provokes their confrontation. It is precisely such contradictory relations that are observed today between China and Hong Kong. The article pays special attention to the legal status of Hong Kong and its evolution. The author concludes that it is advisable to pursue a more flexible legal policy of China in the settlement of public relations with Hong Kong.

Keywords: People's Republic of China; Hong Kong; Macao, Taiwan; State sovereignty; territorial integrity; right to self-determination; special status; autonomy.

Для цитирования: Темираев А.В. Реализация принципов государственного суверенитета, территориальной целостности и права на самоопределение в отношениях между Китайской Народной Республикой и Гонконгом (Статья) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2025. – № 1. – С. 85–98. – DOI: 10.31249/iajpravo/2025.01.06

Введение

Исследование вопросов соотношения принципов государственного суверенитета и территориальной целостности с принципом права на самоопределение имеет различный спектр аспектов¹.

¹ См.: Kashnikov B. Self-determination of Peoples // International Conflict and Security Law: A Research Handbook: eBook / ed. S. Sayapin, R. Atadjanov, U. Kadam, G. Kemp, N. Zambrane-Tevar. N. Quenivet. – 2022. – P. 27–28.

Среди них особую актуальность имеют пределы реализации принципа самоопределения народов с учетом их концептуальной взаимосвязи и конкуренции с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности в федеративных, регионалистских и унитарных государствах, использующих различные формы автономии. Актуальность обусловлена постоянно меняющимися публично-правовыми отношениями, связанными с разграничением властных полномочий между центром и внутренними территориями. Как отмечает доктор юридических наук, профессор И.А. Умнова-Конюхова, «в мировой практике наблюдается неровная динамика федерализации государств и межгосударственных объединений. Более того, в последние два десятилетия наблюдается рост случаев возвращения к унитаризму или / и снижения элементов автономии и децентрализации в публичных связях»¹.

Особенностью публично-правового содержания рассматриваемых принципов является их действие на двух уровнях – международно-правовом и внутригосударственном (национальном). В международном праве – это общепризнанные принципы, которые взаимосвязаны между собой в виде конкуренции принципов государственного суверенитета и территориальной целостности с принципом права на самоопределение. Внутри государств конкуренция отсутствует, принцип самоопределения расширяет возможности коллективной идентичности компактно проживающих этнических народов и национально-культурных сообществ в формах, которые не нарушают принципы государственного суверенитета, территориальной целостности и государственного (национального) единства. Поэтому, если в международном измерении одной из форм самоопределения признается сецессия (внешнее самоопределение), то во внутригосударственном устройстве право составных частей на выход из состава федерации (исключение составляет Эфиопия) и тем более автономной территории из унитарного государства, не допускается. Самоопределение выстраивается на конституционно устанавливаемых формах внутренней террито-

¹ Умнова-Конюхова И.А. Федерализм как инструмент решения современных задач мироустройства, совершенствования государственности и межгосударственных отношений // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 9.

риальной организации. Стремление к автономии, как правило, наблюдается среди этнических общностей.

В настоящее время на международном уровне содержание права на внутригосударственное самоопределение четко обозначено лишь в отношении коренных народов. Декларация ООН о правах коренных народов (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/61/295. 17.03.2008) гарантирует им автономию в рамках суверенного государства, позволяющую осуществлять собственное управление в политической, социальной, культурной и экономической сферах на своей территории, а также участвовать в управлении суверенным государством, на территории которого они проживают (ст. 3, 4).

Значимость установления правовых пределов реализации права на самоопределение во внутригосударственных отношениях очевидна. Неразрешенность территориальных проблем внутри государства влечет за собой социальную напряженность и может породить вооруженные конфликты, привести к нарушению мира и согласия. Среди государств, для которых проблемы территориальной автономии остаются крайне актуальными, можно назвать сегодня Китай. В этом государстве установлен многоуровневый политический порядок с многочисленными органами управления.

Конституционное содержание пределов и форм взаимосвязанной реализации принципов государственного суверенитета, территориальной целостности и права на самоопределение в Китайской Народной Республике. Китайская Народная Республика в преамбуле действующей Конституции от 1982 г. (ред. 29.03.1993, 15.03.1999, 14.03.2004 и 11.03.2018 гг.) провозглашается как единое многонациональное государство, созданное общими усилиями народов различных национальностей всей страны. В ней констатируется, что уже «установились и будут укрепляться впредь социалистические национальные отношения равенства, сплоченности, взаимопомощи и гармонии. В борьбе за сохранение национальной сплоченности следует выступать как против национализма великой нации, прежде всего великоханьского шовинизма, так и против местного национализма. Государство прилагает все усилия к тому, чтобы способствовать общему процветанию всех национальностей страны».

Для реализации принципа «процветания всех национальностей» в Китае как унитарном государстве во внутригосударственных отношениях реализуется принцип специального статуса. Три территории сегодня наделены таким статусом: Гонконг, Макао и Тайвань. По мнению экспертов, специальные режимы Китая были недостаточно осмыслены в существующей научной литературе. Алеш Кармазин, доцент кафедры азиатских исследований Института политических исследований Карлова университета (Прага), предлагает называть такую форму самоопределения зональным суверенитетом (*zonal sovereignty*)¹. В юридических исследованиях «зоны» определяются как специально очерченные территории с особым правовым режимом, которые связаны с другими правовыми режимами и пространственными образованиями, подпадают под их действие или окружены ими².

Отношения Китая с Макао можно определить в соответствии с вышеупомянутыми критериями, но они менее политически значимы, чем отношения материкового Китая с Гонконгом и Тайванем. Реализация принципа зонального самоопределения позволила Китаю проявить гибкость в организации политической власти, в то же время решительно настаивая на формальной неделимости государственного суверенитета и территориальной целостности. С этой точки зрения, Гонконг и Макао связаны с Китаем политическими рамками, в которых государственные (властные, суверенные) prerogatives и обязанности в отдельных областях политики могут быть общими или функционально распределены между различными уровнями политического устройства³ в рамках единого государства и единой китайской нации.

Наибольшая неопределенность и напряженность наблюдается в отношениях между Китаем и Тайванем. Если Гонконгу и Ма-

¹ См.: Karmazin A. *Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order*: ebook / Palgrave Studies in International Relations (PSIR). – 2023. – P. 2. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-3-031-47905-2> (дата обращения: 15.10.2024).

² См.: Butler C. *Reading the Production of Suburbia in Post-War Australia* // *Law Text Culture*. – 2005. – N 9. – P. 11–33; Lessig L. *The Law of the Horse: What Cyberlaw Might Teach* // *Harvard Law Review*. – 1999. – N 113. – P. 501–549.

³ См.: Ringmar E. *Performing International Systems: Two East-Asian Alternatives to the Westphalian Order* // *International Organization*. – 2012. – N 66 (1). – P. 13.

као разрешено иметь свои собственные политические, правовые и экономические системы, то условием предоставления Китаем Тайваню тех же прав станет его потенциальное объединение с материковым Китаем.

В настоящее время Китай и Тайвань создали весьма своеобразное символическое пространство дипломатического взаимодействия, которое связывает оба режима, официально не признающих друг друга¹. Однако это противостояние не рассматривается официально международным сообществом как конфликт, связанный с самоопределением Тайваня в виде образования самостоятельного суверенного государства. Исторически правовые вопросы между Китаем и Тайванем, связанные с правами государств, носят в основном внутривнутриполитический характер. Нет установленного права или обязанности признавать эти отношения на межгосударственном уровне².

Гонконг (бывшая британская колония) и Макао (бывшая португальская колония) самоопределились как специальные административные районы Китая, соответственно, в 1997 и в 1999 гг. Обе территории обладают значительной автономией: собственными законами, правовой, денежной, таможенной и иммиграционной системами, а также правом участия в международных организациях. Их статус определялся на основе институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS), которая довольно успешно работает на практике. Вместе с тем опыт Китая показывает, что специальный статус или «зональный правовой режим» может как гармонизировать отношения между центром и территорией, так и спровоцировать противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем, с одной стороны, и Гонконгом – с другой.

Становление и эволюция правового статуса Гонконга. В последние годы наметилась тенденция постепенного уменьшения автономии Гонконга в результате растущего влияния центральной власти Китая. Изменение конфигурации зонального су-

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 6.

² См.: Цзэннань Ван. Размышления о международном праве на примере Тайваня: исторический обзор и перспективы на будущее // Наука. Образование. Современность = Science. Education. The present. – 2024. – № 2, июнь. – С. 4–5.

веренитета в китайско-гонконгских отношениях не ликвидирует, однако, его автономию в целом и позволяет Гонконгу по-прежнему реализовывать принцип права на самоопределение, не нарушая государственный суверенитет и территориальную целостность Китая¹.

Гонконг (Сянган) стал британской колонией во время опиумных войн в результате серии неравноправных договоров, которые рассматриваются в Китае как начало века унижения китайской нации. Вместе с тем Гонконг превратился в одну из самых успешных колоний в мире, почти идеально вписавшись в британскую торговую империю. Когда в 1997 г. он был возвращен Китаю, то оказался более развит, чем КНР. В какой-то мере Гонконг как успешная капиталистическая колония, интегрированная в международную систему, способствовала дальнейшему экономическому прогрессу материкового Китая. В частности, в процессе подачи Китаем заявки на вступление в ВТО КНР, по сути, придерживался гонконгской идентичности, основанной на профессионализме, компетентности, беспристрастности, техническом сотрудничестве и эффективности². В настоящее время Гонконг имеет положение одного из главных финансовых центров и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), и всего мира³.

Успешному развитию Гонконга в составе Китая способствует его особый статус. Восприятие китайцами Гонконга как высоко развитого современного города привело к тому, что КНР даже после передачи власти в Гонконге следовал прежней колониальной модели государственного устройства и имитировал ее. Другими словами, руководство КНР сохранило Гонконг как место с высокой степенью интернационализации и свободного экономического развития.

Во время переговоров о будущем Гонконга представители КНР внимательно следили за позицией Великобритании и утвер-

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 99.

² См.: Shen S. Introduction: Multidimensional Diplomacy as a Global Phenomenon. Multidimensional Diplomacy of Contemporary China. – 2010. – P. 3–21.

³ См.: Файншмидт Р.И., Федоренко Д.О. Трансформация роли Гонконга в контексте экономических процессов Азиатско-Тихоокеанского региона // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 141.

ждали, что Китай собирается восстановить суверенитет над Гонконгом. Аналогичное положение содержится в Основном законе Специального административного района Гонконг Китайской Народной Республики от 4 апреля 1990 г., который вступил в силу 1 июля 1997 г. (далее – Основной закон Гонконга). В его преамбуле говорится, что Гонконг с древних времен был частью территории Китая; он был оккупирован Великобританией после опиумной войны в 1840 г. 19 декабря 1984 г. китайское и британское правительства подписали совместную Декларацию по Гонконгу, утверждая, что Правительство КНР продолжит осуществление суверенитета над Гонконгом с 1 июля 1997 г., реализуя таким образом, стремление китайцев к воссоединению. Согласно ст. 1 Основного закона, Специальный административный район Гонконг сегодня является неотъемлемой частью Китайской Народной Республики¹.

Китаю удалось договориться с Великобританией о передаче Гонконга на условиях его высокой автономии и гарантирования принципа народного самоуправления². Заключению соглашения способствовало также осуждение колониализма международным сообществом.

Специальный внутренний и международный статус Гонконга определяется китайско-британской совместной Декларацией, закрепленной в договоре между правительствами Великобритании и Китая 1984 г. (далее – Декларация)³, Конституцией КНР и Основным законом Гонконга.

В Декларации закреплены основополагающие принципы, определяющие положение Гонконга после 1997 г. Гонконг получил статус особого автономного района КНР – специального административного региона (САР). Установлено, что население Гонконга будет управлять бывшей колонией на основе самоуправления и

¹ См.: The Basic Law of the Hong Kong Special Administrative Region of the People's Republic of China. – 2021. – URL: https://www.basiclaw.gov.hk/filemanager/content/en/files/basiclawtext/basiclaw_full_text.pdf (дата обращения: 12.09.2024).

² См.: Ma Ngok. The Sino-British Dispute over Hong Kong: A Game Theory Interpretation // Asian Survey. – 1997. – N 37 (8). – P. 738–751.

³ См.: Joint Declaration of the Government of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and the Government of the People's Republic of China on the Question of Hong Kong. 1984, December 19. – URL: <https://www.cmab.gov.hk/en/issues/jd2.htm> (дата обращения: 22.09.2024).

*Реализация принципов государственного суверенитета,
территориальной целостности и права на самоопределение ...*

высокой степени свободы, подтверждено его международное положение как свободного порта и отдельной таможенной территории. В Декларации оговорено, что принципы, определяющие особое автономное положение Гонконга, останутся неизменными в течение 50 лет после передачи власти¹.

Исходя из вышеназванной Декларации, Конституции КНР и Основного закона САР автономия Гонконга определяется его следующими полномочиями:

- имеет право издавать свои законы;
- обладает собственной исполнительной, законодательной и судебной властью, отличной от системы власти КНР;
- формирует собственную правовую систему, которая существенно отличается от правовой системы КНР;
- обладает определенной, ограниченной автономией в международных отношениях, являясь членом некоторых международных организаций, т.е. обладает неполным (де-юре) признанием и ограниченной правоспособностью участвовать в международных организациях. Гонконгу разрешено иметь свои паспорта, валюту или представительства за рубежом. Представительства Гонконга – экономические и торговые представительства – в основном занимаются экономической дипломатией.

Материковый Китай и Гонконг несмотря на то, что это одна страна, разделены демаркационной линией, которая имеет все характеристики международной границы с проверками документов и ограничениями на поездки.

Коммунистическая партия Китая (КПК), как правящая политическая власть в КНР официально не представлена в Гонконге. Коммунистическая партия и государственная власть Гонконга существуют параллельно и по-разному взаимосвязаны с международной средой.

¹ См.: Schenk C. Economic and Financial Integration between Hong Kong and Mainland China before the Open Door Policy 1965 // WEF Working Paper. – 2007. – October 31, N 21 – P. 75. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3067615 (дата обращения: 30.09.2024).

Таким образом, политическая, правовая и экономическая системы Гонконга сегодня во многом отличаются от систем материкового Китая¹.

Несмотря на широкую автономию, статус Гонконга не соответствует некоторым типичным характеристикам субъекта федеративного государства.

Во-первых, в федерациях составные части представлены в федеральных органах (верхних палатах парламента), но в КНР такого органа нет.

Во-вторых, в федерациях национальная конституция не может быть изменена центром в одностороннем порядке без согласия отдельных ее субъектов, что нельзя сказать о Китае, поскольку Гонконг не обладает никакими полномочиями, которые могли бы, по мнению экспертов, помешать КНР изменить его Конституцию². Основной закон Гонконга был принят Всекитайским собранием народных представителей (парламентом Китая) 4 апреля 1990 г. (вступил в силу 1 июля 1997 г.), который уполномочивает специальный административный регион осуществлять высокую степень автономии. Более того, центральное правительство имеет право назначать главных должностных лиц САР, включая главу исполнительной власти Гонконга.

В-третьих, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей уполномочен толковать Основной закон Гонконга, проверять конституционность законов, принятых в Гонконге, или, при соблюдении ряда относительно жестких ограничений, применять национальные законы к САР путем внесения поправок в приложение к Основному закону. Всекитайское собрание народных представителей также может вносить поправки в Основной закон Гонконга, но на эти полномочия центрального законодательного органа также распространяются существенные и процедурные ограничения³.

¹ См.: Karmazin A. Op. cit. – P. 25.

² См.: Zhu G.B. The Composite State of China under «One Country, Multiple Systems»: Theoretical Construction and Methodological Considerations // International Journal of Constitutional Law. – 2012. – N 10 (1). – P. 272–297.

³ См.: Law of the Hong Kong Constitution / eds. Johannes Chan S. Chin Leng Lim – 2011. – P. 3–7; Zhu G.B. The Composite State of China under «One Country, Multiple Systems»: Theoretical Construction and Methodological Considerations // International Journal of Constitutional Law. – 2012. – N 10 (1). – P. 272–297.

В последние годы центральная китайская власть стремится усилить свое влияние на Гонконг¹. Особенно это касается регулирования внешних связей Гонконга. В частности, Гонконг, с одной стороны, является полноправным членом нескольких международных организаций, в первую очередь Всемирной торговой организации, Всемирной организации здравоохранения и Азиатского банка развития, а с другой – имеет лишь частичное членство в Международной морской организации и участвует исключительно в составе китайской делегации в работе Международного валютного фонда и Всемирного банка. Еще одним свидетельством полунезависимой дипломатической позиции Гонконга является его членство в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Создание АБИИ было инициировано Китаем, который является доминирующим государством в этой организации. Гонконг не стал членом АБИИ по умолчанию и участвует как юридическое лицо.

На фоне различий между Китаем и Гонконгом по признаку идентичности, последний имеет решающее значение для китайского национализма как символ достижения национального единства. Одним из наиболее важных расколов в гонконгском обществе является раскол между пропекинской и антипекинской ориентацией. Люди и слои общества, близкие к последней позиции, выражают обеспокоенность по поводу растущего влияния Пекина на политику Гонконга и его автономного положения. Опираясь на культуру активного гражданского общества Гонконга, люди антипекинской ориентации часто протестуют против политических событий, которые рассматриваются как растущая зависимость от Пекина или влияние на него².

¹ См.: Fong B.C.H. Exporting Autocracy: How China's Extra-Jurisdictional Autocratic Influence Caused Democratic Backsliding in Hong Kong. *Democratization*. – 2021. – N 28 (1). – P. 198–218; Naito Hiroko. Legalization of the Chinese Communist Party's Governance over Hong Kong // *Journal of Contemporary East Asia Studies*. – 2020. – N 9 (2). – P. 157–174; Karmazin A. The Hong Kong National Security Law and the Changing Character of Rule in the China–Hong Kong Relationship // *China Report*. – 2023. – N 59 (1). – P. 25–39; Lee E.W.Y. United Front, Clientelism and Indirect Rule: Theorizing the Role of the «Liaison Office» in Hong Kong // *Journal of Contemporary China*. – 2020. – N 29 (125). – P. 763–775.

² См.: Chan E., Chan J. Hong Kong 2007–2017: A Backlash in Civil Society // *Asia Pacific Journal of Public Administration*. – 2017. – N 39 (2). – P. 135–152.

Масштабы и охват центральной власти Китая сфер влияния на Гонконг постепенно расширяются. При этом в последнее десятилетие наблюдается тенденция более активного вмешательства КНР в дела Гонконга¹.

Во-первых, центральная власть КНР постепенно усиливает свое влияние и давление на ведущих политиков Гонконга².

Во-вторых, с момента основания САР три агентства центрального правительства были размещены в Гонконге. Это отделение связи Центрального народного правительства, офис Министерства иностранных дел Китая и представительство Народно-освободительной армии, которая дислоцируется в центре Гонконга, но ему запрещено покидать территорию комплекса зданий.

В-третьих, центральные власти Китая широко полагались на систему Единого фронта, которая объединяет многочисленные организации, связанные с партией и государством, для проникновения в общество и политику Гонконга. Они участвуют в различных мероприятиях, таких как наблюдение и контроль за пропекинскими политиками и другими значимыми лицами в САР или мобилизация поддержки прокитайских политиков во время выборов³.

В-четвертых, один из важнейших механизмов влияния китайского партийно-государственного аппарата на Гонконг связан со стратегическими политическими отношениями между центральным правительством и некоторыми сегментами гонконгского общества, особенно крупным бизнесом. Их роль очень важна при избрании главы исполнительной власти, а также во время выборов в Законодательный совет в силу специфики избирательной системы Гонконга. Китайское руководство понимает, что бизнес-элиты могут помочь Пекину сохранить свое влияние не только из-за их значимости на выборах, но и из-за общего влияния в Гонконге.

¹ См.: Chan J. A Storm of Unprecedented Ferocity: The Shrinking Space of the Right to Political Participation, Peaceful Demonstration, and Judicial Independence in Hong Kong // *International Journal of Constitutional Law*. – 2018. – N 16 (2). – P. 373–388.

² См.: Fong B.C.H. Exporting Autocracy: How China's Extra-Jurisdictional Autocratic Influence Caused Democratic Backsliding in Hong Kong // *Democratization*. – 2021. – N 28 (1). – P. 198.

³ См.: Lee E.W.Y. United Front, Clientelism, and Indirect Rule: Theorizing the Role of the «Liaison Office» in Hong Kong // *Journal of Contemporary China*. – 2020. – N 29 (125). – P. 763–775.

В-пятых, было зафиксировано пять случаев конституционно-го толкования Основного закона Гонконга Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей. Каждый из них имеет разное значение для суверенитета Китая и автономии Гонконга и конституционных отношений между ними¹. Так, Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей лишил мандата шестерых гонконгских (антипекинских) законодателей, поскольку они изменили формулировку официальной присяги при вступлении в должность².

В-шестых, принятие в 2020 г. Всекитайским собранием народных представителей Закона о национальной безопасности Гонконга (Hong Kong national security law (HKNSL)) и связанных с ним законодательных изменений снижает степень свободы САР. Этот Закон стал реакцией на продолжающиеся масштабные протесты в Гонконге и разработал новые юридические инструменты влияния материкового Китая. Так, HKNSL учреждает новые институты, которые совместно отвечают за национальную безопасность Гонконга – Управление и Комитет по обеспечению национальной безопасности. Если Комитет является подразделением Гонконга, то Управление определяется как орган центрального правительства, вышестоящий по отношению к Комитету, что создает канал прямого влияния центрального правительства на САР³.

В-седьмых, в 2020 г. парламент Китая принял резолюцию, которая определяет юридические требования для того, чтобы быть членом парламента Гонконга. Избирательная реформа в Гонконге была подготовлена китайским парламентом, а затем одобрена гонконгским главой исполнительной власти (САР) в первой половине

¹ См.: Ip E.S. Interpreting Interpretations: A Methodology for the Judicial Enforcement of Legislative Interpretations of the Hong Kong Basic Law // Public Law. – 2017. – N 4. – P. 552–562.

² См.: Lau C., Chung K. Court Ruling Disqualifying Hong Kong Lawmakers over Oath-Taking Controversy ‘A Declaration of War’ // South China Morning Post. – 2017. – July 15. – URL: <https://www.scmp.com/news/hong-kong/politics/article/2102609/four-more-hong-kong-lawmakers-disqualified-over-oath-taking> (дата обращения: 25.09.2024).

³ См.: Karmazin A. Liquid Sovereignty: Post-Colonial Statehood of China and India in the New International Order. – P. 25–39.

2021 г.¹ Избирательная реформа расширила состав избирательного комитета, ответственного за избрание главы исполнительной власти САР, и тем самым фактически повысила значимость пропекинских интересов в избирательном процессе².

Заключение

Резюмируя рассмотренное выше, представляется важным акцентировать внимание на том, что самоопределение народов в КНР во взаимодействии с принципами государственного суверенитета и территориальной целостности – это условие существования и развития китайской нации на основе конституционного принципа «процветания всех национальностей» в стране. В Китае как унитарном государстве во внутригосударственных отношениях реализуется принцип специального статуса, которым наделены сегодня Гонконг, Макао и Тайвань. Их статус определялся на основе институциональной модели: «Одна страна, две системы» (OCTS), которая довольно успешно работает на практике. Вместе с тем опыт Китая показывает, что специальный статус или «зональный правовой режим» может как гармонизировать отношения между центром и территорией, так и спровоцировать противостояние. Именно такие противоречивые отношения наблюдаются сегодня между Китаем, с одной стороны и Гонконгом – с другой.

Хотя в Гонконге по-прежнему существуют свои уникальные политическая и правовая системы, эти системы больше не полностью отделены от материкового Китая. Масштабы и влияние центральной власти партийного государства по отношению к Гонконгу постепенно расширяются. Эта тенденция влечет за собой рост напряжения у населения Гонконга, занимающего антипекинскую позицию. Сложившаяся политическая ситуация свидетельствует о целесообразности проведения более гибкой правовой политики Китая в урегулировании публично-правовых отношений с Гонконгом на основе учета требований взаимосвязанных между собой принципов самоопределения народов, государственного суверенитета и территориальной целостности.

¹ См.: Ibid. – P. 31–32.

² См.: Davis M.C. Hong Kong: How Beijing Perfected Repression // Journal of Democracy. – 2022. – N 33 (1). – P. 100–115.